

Совет в действии

По законам единства

По инициативе совета ветеранов комбината состоялась встреча его представителей с начальником отдела социальной защиты администрации города С. Г. Ципориним. В беседе принял участие и. о. председателя городского совета ветеранов Б. А. Топорков.

Обсуждались возможности консолидации ветеранского движения в городе. Сегодня почти на всех крупных предприятиях и в районах советы ветеранов помогают пожилым выжить в нынешнее нелегкое время. С некоторых пор появились еще так называемые союзы пенсионеров. Держатся они обособленно, и нередко их решения идут вразрез с планами городского ветеранского движения. Разнобой колеблет и без того хрупкое общественное мнение пенсионеров. Ни центр социальной защиты, ни городской совет ветеранов контактов с этими новыми образованиями не имеют.

Присутствующие пришли к выводу: необходимо укреплять единство ветеранского движения. Первым шагом стала договоренность об участии представителей советов ветеранов предприятий в заседаниях городского центра социальной защиты.

Многие отделы и центры социальной защиты крупных промышленных предприятий и районов имеют специальные фонды. Их материальные возможности весьма разнятся. Назрела необходимость как-то уравнивать их.

И последнее, что волнует и будоражит пенсионеров города — работоспособность закона о ветеранах, подписанного президентом. Хотелось, чтобы городская администрация на этот счет предоставляла полную и объективную информацию через печать, радио, телевидение. Сергей Ципорин ознакомил с положением о присвоении звания и выдаче удостоверений «Ветеран труда России». Положение в гадии разработки. Впоследствии оно будет опубликовано.

М. ЕГОРОВ.

Приглашение

Цены снижены!

В магазине «Ветеран» благотворительного фонда «Металлург» по просьбе малообеспеченных пенсионеров и инвалидов, коллективных участников фонда и совета ветеранов АО ММК проводится распродажа товаров по сниженным ценам.

Трикотаж:

костюм жен. — 92600 руб — 55600 руб,
костюм жен. — 93700 руб — 56220 руб,
костюм жен. — 97300 руб — 58380 руб,
джерсер жен. — 47900 руб — 35900 руб,
джерсер жен. — 38500 руб — 28900 руб,
джерсер жен. — 49440 руб — 32700 руб,
костюм спорт. — 63660 руб — 44500 руб;

Обувь:

сапоги жен. — 154350 руб — 115763 руб
сапоги жен. — 194050 руб — 145530 руб
сапоги жен. — 143375 руб — 107494 руб;

Консервы:

сельдь в том. соусе, лещ в том. соусе,
сельдь натур. с добавл. масла, 250 гр — 3900 руб — 3400 руб,
сельдь натур., скумбрия натур. с добавл. масла, 250 гр — 4300 руб — 3800 руб,
Сахар — 4400 руб — 3800 руб.

Приглашаем за покупками по адресу: пр. Сиреневый, 12. Режим работы с 9 до 18 час. Перерыв с 13 до 14 час. Выходной: воскресенье, понедельник. Проезд автобусами N 21 и 24 до конечной остановки.

При себе иметь пенсионное удостоверение и закупочный талон. Тел. для справок 35-49-18.

Жизнь моя — комбинат

Мечта металлурга

Детство в казачьей станице

Петр Михайлович Гроза казачьего рода-племени. Северный Казахстан был рубежом Российской империи, где несли свой дозор казаки. Отец умудрялся исправно служить и хозяйство содержать в порядке. В четырнадцатом со своей спарвой — конем и амуницией — ушел Михаил Гроза с казачьим эскадроном на долгие шесть лет. В двадцатом в станицу возвратилось только семь мужиков. Куда размотала жизнь-злодейка остальных, одному Богу ведомо. Да и то: и у белых довелось послужить, и у красных...

Отец был спокойного нрава, однако, послушание сыновей было беспрекословным. Работящий казак, дорвавшись до мирной жизни, начал быстро богатеть. Бывало, зимой, пурга — не пурга, едут тенеты ставить на зайцев. Каждый день без единого выстрела по 13-14 беляков попадалось. Мясом и жили. Ребятня собирала курай — «перекати поле». Мать сушила траву, толкла, да обваляла в ней, биточки из зайчатины жарила. С хлебом, правда, было плохо, не хватало до нового урожая.

Как было не поправляться хозяйству, если отец вставал затемно и за полночь ложился, и дети к тому приучал, работы хватало всем. Чего стоило ежедневно ободрать всех зайцев, да намазать шкурки бурдой от самогона, а потом мять их некрепкими детскими ручонками до тех пор, пока шкурка не станет мягкой да податливой. Это было святой обязанностью шестилетнего Пети. За каждую заячью шкурку давали по 40 копеек. Горностай шел за три рубля, хорек — за два с половиной. На этой «мелкоте» в месяц до десяти рублей зарабатывали. Деньги немалые, если корову можно было за 18-20 рублей купить, а лошадь — за 30. Да птицу всякую промышленляли: косачей, куропаток. Мяса хватало на всю родню.

Началась коллективизация, и отец не остался в стороне — вступил в колхоз. Да не долго пробыл — вычистили как кулака, из дома родного переселили в спецпоселок. Что было делать? Уехал Петр к родственникам в Киргизию, устроился в геологическую партию. Скоро, однако, работы свернули, и остался подросток не у дел. Предложили, было, ему пастухом побыть, но вызрало молодое самолюбие: «Что я самый неудачливый человек, чтоб коровам хвосты крутить?» А тут появились лозунги: «Все — на Магнитострой».

Встреча с Магниткой

«В Магнитке перво-наперво стал я земляков разыскивать. Обратился в «Рабсилу», оформили на мартен. Была осень 33-го, и вместо стройки направили на картошку. Холод, грязница! Попался на глаза мастеру Жарову. Красивый здоровенный казак был с отменной выправкой. Спрашивает:

— Кем хочешь работать?
А я и определиться не могу.
— Пойдешь помощником автогенщика. Комсомолец?

— Нельзя мне — сын раскулаченного. И началась моя жизнь на комбинате. Дали разряд, стал прилично зарабатывать. Плюс по 800 гр хлеба получал ежедневно. Работали по десять часов. Отработавшись восемь часов — получай тарелку горячего супа, еще два часа до конца смены уже легче идет. Хотелось учиться: пошел в вечернюю школу, потом — в техникум. По тому времени для рабочего было это немалым образованием. Чертежи читал лучше любого мастера. Тогда на комбинате было так: рабочие, которые себя проявляли, выдвигались в ИТР. Перевел меня хронометристом в группу нормирования «Мартенстрой». Подошло время идти в армию.

Грамотного парнишку из Магнитки направили в Куйбышев в школу НКВД. К сроку выпуска стал младшим команди-

ром. Начальник политотдела «сватал» в авиацию на топографические аэросъемки, но Петра тянуло в Магнитку, на комбинат. Хотелось учиться дальше.

Когда объявили, что началась война, Петр с другом тут же явились в военкомат. «Остаются до особого распоряжения», — ответили им. Через два месяца друг получил повестку. «В чем дело? — терзался Гроза. — Закончил школу авиации, часов налетал много, звание младшего лейтенанта имеется, по возрасту бронь не положена...» Вскоре вызвали в отдел организации труда заводоуправления: «По распоряжению Григория Ивановича направляешься на ремонт овощехранилищ. Чтб ни одна картошина, ни одна свеколка не пропала». Обидно было: ну и работенка вместо фронта! Впоследствии понял: питанию металлургов директор придавал особое значение.

Все — для фронта

Война шла не на жизнь, а на смерть, и Носов не жалел ни себя, ни специалистов. Где нужны были работающие руки и умные головы, в числе других направляли и Петра Грозу. Монтировал снарядный цех, устанавливал линию. Нужно было точить снаряды, но не было резцов, и Петра послали в кузнечный цех. За смену требовалось отковать 500 резцов, меньше не допускалось. Потом прибавили до 800. Был случай, когда не выходило из цеха 32 часа — снаряды на фронте были нужны, как хлеб. Участвовал в ремонтных работах четвертой донны: был помощником начальника ремонта, затем возглавил его. Потом всю бригаду бросили на реконструкцию коксосушилки. На сон оставалось 4-5 часов. Держаться помогала мысль: «А братьям в снегу под пулями легче?» Где плохо обстояло дело с нормированием, поручали эту работу Грозе. Ни от чего не отказывался — дисциплина на комбинате была железная.

Носов заботился о рабочих. Установили продпайки: сливочное и растительное масло, мясо, морковь, картошка, водка, табак. Тем, кто ударно работал, полагался еще и ордер на вещи.

«У директора была одна замечательная черта: все решать с ходу», — рассказывает Петр Михайлович. — На ремонтных работах люди буквально горели, спецодежды не хватало, одежды были кое-как. Однажды вызвал Носов на участок не начальника цеха, не хозяйственника, а кладовщика. Тот явился в новых валеночках, в добротной фуфайке, в новых рукавицах. Григорий Иванович велел ему тут же снять всю амуницию — в кладовой, мол, в такой справе сидеть не слишком ли? Приказал немедленно одеть рабочих как следовало.

Часто доводилось быть у Носова на совещаниях. Не скупился директор иной раз на крепкое слово. Был требовательный, но справедливый. В то же время непременно поинтересуется: что дома, учишься ли? В большинстве инженерно-технические работники вышли из рабочих, и Носов настаивал на том, чтобы они учились.

Носов и Рыженко

В любое время суток Григорий Иванович владел свежей информацией со всех важных участков стройки и производства. «Был случай, — вспоминает П. М. Гроза, — сидел я у зам. начальника мартена Балкова в кабинете. Звонит Носов: «Что у тебя в печи?» «Сейчас выясню: Размякла плавка». А тот: «А ты не размяк?»

Освоена броневая сталь. Ее наварили столько, что слитками была завалена вся территория. А катать не на чем. Эвакуированный из Мариуполя специальный броневой стан не был еще установлен, на его монтаж требовались месяцы. Нужно было искать какой-то иной выход. Вмес-

те с оборудованием эвакуированных заводов на комбинате появились опытные инженерные кадры. Молодой директор надеялся на их опыт. Не раз и не два собирал Григорий Иванович совещания, но так и не услышал дельного совета. И вот как-то встал с места заместитель главного механика Рыженко: «Будем катать броню на третьем блюминге». Носов отличался тем, что схватывал живую мысль, и уже не отступал от нее. И тут тоже: «Сколько тебе времени дать?» — спрашивает. «Сутки», — отвечает Рыженко. Носов удивился: не мало ли? А у Рыженко, оказывается, все расчеты были уже готовы.

Собрались все главные специалисты. Первый слиток не пошел. Скептики были рады: по-моему вышло! Рыженко стоит на своем: «Случайность. Заменим детали и дня через 3-4 будем катать». На этот раз Носов дал неделю. Провели ремонт стана, поставили новые подшипники, вал. И когда прошел седьмой слиток, Григорий Иванович, повернувшись к начальнику блюминга, который был против такого решения, сказал: «А ты завтра на работу можешь не выходить. Будешь только мешать».

— Носов страшно ценил Рыженко и создавал для этого «самородка» условия, — говорит П. М. Гроза. — Думаю, жизнь не случайно соединила двух этих неординарных людей.

— Крут был Григорий Иванович, но справедлив, — вспоминает Петр Михайлович. — Помнится, после войны не шло лабом спекание руды. Носов сам ездил, разбирался, но начальник аглофабрики был плохим советчиком — вразумительно не мог объяснить причину. Носов засел за химию и дошел до сути. Приезжает на аглофабрику в очередной раз — тот опять турусы на колесах разводит. Тут уже Григорий Иванович напрямую: «Хватит меня дурить. Причина в том-то и в том-то. Завтра можешь на работу не выходить».

Требовательность удивительно уживалась у директора с добротой и человеческим участием. После войны приехал ко мне отец, да два брата уже жили. А комната в коммуналке — 11 квадратных метров. Не прописывают. Пошел к Носову. Собралось на прием в этот день человек четырнадцать. Вскоре очередь дошла до меня. Рассказываю о своей проблеме: так, мол, и так. Решил ее в две минуты: «Потерпи до нового года. Будем сдавать дом, дадим квартиру. Огород у тебя на Белой горе? Не вези на левый картошку. Пристрой у кого-нибудь, что ее возить туда-сюда». И как только о каждом помнил, ума не приложу.

Сады Магнитки — тоже дело рук Г. И. Носова. До войны на базаре не видел ни огурца, ни помидора, а уж о фруктах и говорить не приходится. Далеко смотрел Григорий Иванович, может, видел нынешний день, когда наши внуки уже не представляют жизни без магнитогорских вишен да яблок.

«Зачем надуманное?»

Воспоминания эти — самые яркие в большой жизни Петра Михайловича Грозы, и с годами не тускнеют. «Для меня, — говорит он, — Носов и сегодня словно живой. Великого значения человек. Сравнить его можно разве что с маршалом Жуковым».

Есть у старого металлурга мечта: увидеть на сцене нашего городского драмтеатра спектакль, посвященный Григорию Ивановичу Носову и Николаю Андреевичу Рыженко. Инсценированный рассказ о самом главном и решающем периоде их совместной работы, вошедшем в историю. «Почему, — удивляется ветеран, — нам показывают «ночных бабочек», надуманные жизни? Меж тем наш город, как никакой другой, богат историей, значение которой трудно переоценить. В Магнитке жили и живут творцы этих событий. Уверен, на спектакль люди пойдут. Да и не стыдно будет показывать его в других городах».

Записала
Н. БАРИНОВА.